

КРАСНЫЙ СЪЕЗДЪ ВЪ КРАСНОЙ СТРАНѢ.

Привѣтствуя многочисленныхъ делегатовъ, со всѣхъ концовъ Германіи съѣхавшихся въ Дрезденъ, представителей дрезденскаго „ѣбснаго комитета“, товарищъ Кадатъ, зачиталъ, что саксонцы показали себя достойными той чести, которую германская социалдемократія сдѣлала ихъ странѣ, созвавъ въ ея столицѣ свой партійный съѣздъ нынѣшняго года. Это заглавие, конечно, какъ нельзя болѣе справедливо. На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ сознательный пролетаріатъ Саксоніи одержалъ такую великую, такую блестящую побѣду, о какой врядъ-ли мечтали въ ея средѣ даже самые крайніе оптимисты. Изъ 23 ѣбствъ, занимаемыхъ въ рейхстагѣ депутатами отъ Саксоніи, 22 принадлежатъ теперь социалдемократамъ.

Саксонія — по истинѣ красная страна, какъ назвала ее въ своей рѣчь товарищъ Кадатъ. Но если эта красная страна въ самомъ дѣлѣ была волею дѣйствительности принята въ свой представительный великой германской арміи парламента, то эти представители, делегаты съѣзда, съ своей стороны, съ небольшими исключениями, показали себя вполне достойными чести засѣсть въ „красной странѣ“. Дрезденскій съѣздъ по всей справедливости можетъ быть названъ краснымъ съездомъ. Важнѣйшее изъ его рѣшеній относится къ такъ называемому въ Германіи *революционному*, — *бернштейнскому* току, — и представляетъ собою смертельный приговоръ этому направлению. По этому приговору всеиная социалдемократія должна быть глубоко благодарна дрезденскому съезду: онъ оздоровитъ социалдемократическую атмосферу въ Германіи и уже однимъ этимъ окажетъ въ высшей степени благотворное влияние на весь международный социалистическій движеніе. Враждебная ревизионной резолюціи дѣла краснаго съѣзда является хорошииъ предзнаменованіемъ для международного социалистическаго конгресса будущаго года. Англичанинъ Джонсъ, говорившій въ Дрезденѣ отъ имени англійской Социалдемократической Федератіи, неслучайно сказалъ, что національный германскій съѣздъ имѣетъ большое значеніе для борьбы пролетаріата всего міра.

Проникнувшая на съѣздъ борьба мнѣній принимала пока еще очень рѣзкую форму, а нападки ревизионистовъ на Франца Меринга, — превращавшаяся на этотъ разъ лишь въ безоснованный разоблаченіе ихъ промаховъ и ошибокъ, — имѣли прямо отталкивающій характеръ. Поэтому нѣкоторые добрые, но слабые люди получили отъ съѣзда очень тяжелое впечатлѣніе, граничащее даже съ полнымъ расхолабленіемъ. Но винить въ этомъ нужно не съѣздъ, а только слабые перды этихъ добрыхъ людей. Такіе люди нападывали на Меринга ревизионистовъ были, безъ сомнѣнія, отравлены. Но они свидѣтельствовали лишь о безвыходномъ положеніи этихъ поточныхъ героевъ „критики“, и нѣмкимъ образомъ не могутъ быть поставлены на счетъ германской социалдемократіи вообще или дрезденскому съезду въ частности. А что касается направленныхъ противъ ревизионизма страстныхъ рѣчей Бебеля и нѣкоторыхъ его ближайшихъ единомыслиниковъ, то на всякое здоровое челоука онѣ могли произвести только самое отрадное, самое ободряющее впечатлѣніе. Удивительно не то, что такое яркое германской социалдемократіи позволило себѣ рѣшительно и страстно напасть на ревизионистовъ, а то, что оно до сихъ поръ считало нужнымъ церемониться съ ними. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда теоретикъ германскаго ревизионизма Э. Бернштейнъ только что началъ свою такъ называемую критику марксизма, газета „*Sächsische Arbeiter-Zeitung*“ напечатала рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что теперь рѣчь идетъ о томъ, кто кого похорошитъ: Бернштейнъ нѣмецкую социалдемократію, или нѣмецкая социалдемократія Бернштейна. Тогда эти статьи, написанныя однимъ русскимъ социалдемократомъ, показались слишкомъ рѣзкими и несправедливыми едва-ли не всѣмъ безъ исключенія нѣмецкимъ марксистамъ, а ихъ главная мысль была встрѣчена большинствомъ читателей какъ пародіею, подсаженный крайнимъ полемическимъ увлеченіемъ. Теперь наши нѣмецкіе товарищи сами видятъ, что торжество ревизионизма означало бы гибель социалдемократіи, какъ партіи революціоннаго пролетаріата, и рѣшеніе, принятое дрезденскимъ съездомъ по вопросу о тактикѣ, является, какъ мы сказали выше, смертнымъ приговоромъ бернштейнству. Парадоксъ оказался очень похожимъ на истину. И если пока еще никто изъ германскихъ социалдемократовъ не заговариваетъ о похорохахъ Э. Бернштейна, т. е. *объ исключеніи его изъ партіи*, то это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что, сбившій со всѣхъ своихъ теоретическихъ позицій, покинутый почти всѣми своими сторонниками и постоянно все сильнѣе и сильнѣе компрометирующій самого себя своею собственною съ безпрѣлочною безтактностью, этотъ комичный рыцарь печального образа кажется нынѣ несравненно болѣе жалкимъ, чѣмъ опаснымъ. Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они очень ошибаются. Г. Бернштейнъ до сихъ поръ вовсе не такъ безопасенъ для ихъ партіи, какъ они думаютъ. Онъ еще немало поведетъ ей. Но это другой вопросъ, о которомъ мы поговоримъ съ читателями, когда Г. Бернштейнъ снова напомнимъ своимъ слишкомъ добродушнымъ товарищамъ о своемъ „критическомъ“ умѣ какое-нибудь новое, болѣе или менѣе громкое, безтактный выходки. Мы убѣждены, что жалать придется недолго.!) Теперь же рѣчь идетъ

у насъ собственно о страстности, обнаруженной защитниками „ортодоксіи“, и мы утверждаемъ, что она должна не огорчать, а радовать всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы пролетаріата. Безъ страсти не дѣлается ничего великаго въ исторіи, и успѣшно бороться съ крупнымъ общественнымъ зломъ можетъ только тотъ, у кого течетъ горячая кровь въ жилахъ.

Международные любители „товарищескихъ приемовъ по полемикѣ“ никакъ не могутъ понять, что „ортодоксія“ въ сущности состоитъ не въ томъ, чтобы ревизионистамъ и должны вести смертельную борьбу съ ними, если только не желаютъ измѣнить своему собственному дѣлу. Между этими двумя направленіями лежитъ глубокая и непреодолимая пропасть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно съблестать, напримеръ, вышеупомянутую резолюцію дрезденскаго съѣзда съ тѣмъ, что проповѣдывалъ тотъ же несравненный Г. Бернштейнъ въ своей пресловутой книгѣ „*Die Voraussetzungen des Sozialismus*“.

Дрезденскій съѣздъ безусловно и рѣшительно осудилъ всякое стремленіе затуманивать существующія и все растущія классоваго противорѣчія; Г. Бернштейнъ очень усердно, хотя и безуспѣшно, затуманивалъ эти противорѣчія съ помощью тѣхъ статистическихъ софизмовъ и тѣхъ теоретическихъ парализмовъ, которые въ такомъ изобиліи запасыны были новѣйшими апологетами капитализма.

Международные любители „историческимъ образомъ“ высказавшаго противъ „политики приспособленія къ существующему порядку вещей“, противопоставивъ ей „старую тактику“ партіи, увѣнчавшагося такими крупными побѣдами и основывающагося на классовой борьбѣ; Г. Бернштейнъ былъ самымъ усерднымъ пропагандистомъ и самымъ настойчивымъ защитникомъ „политики приспособленія“.

Дрезденскій съѣздъ объявлялъ, что социалдемократія должна оставаться *партіей социальнаго революціонизма*; Г. Бернштейнъ настойчиво приглашалъ ее сдѣлаться *партіей социальной реформы*.

Однимъ словомъ, взгляды Г. Бернштейна кореннымъ образомъ противорѣчатъ учению революціоннаго социализма; поэтому всякая попытка примирить эти учения съ его взглядами самимъ существомъ дѣла заранѣе осуждена на полнѣйшую неудачу. И чѣмъ болѣе наши нѣмецкіе товарищи, остающиеся вѣрными революционному социализму, убѣждаются въ совершенной неперимиримости своей программой со взглядами Г. Бернштейна, тѣмъ страстнѣе оспариваютъ они эти взгляды и тѣмъ энергичнѣе борются они съ ревизионистами. Иначе и быть не можетъ. Было бы очень странно и очень печально, если бы было иначе. „*Товарищеская полемика*“ — мыслима между такими людьми, которые по самому положению вещей должны быть *непримиримыми врагами*.

Любители „товарищеской полемикѣ“ охотно распространяютъ также на тему о *свободѣ мнѣній*. „Социалдемократія не можетъ ограничивать право критики“, говорятъ они. И это, конечно, вѣрная мысль, но прилагается она въ данномъ случаѣ совершенно неправильно. Если бы социалдемократія съ презрѣніемъ вырвалась изъ своихъ радовъ Г. Бернштейна, тогдѣ же послѣ выхода изъ свѣта его вышеупомянутой книги, то этотъ фактъ, — послѣдствіе котораго, навѣрно, были бы для нея очень полезны, — нѣсколько не похвально бы ей оставался *выраженіемъ личнаго мнѣнія* противъ мысли и слова. Свобода мысли и слова обезпечивается вовсе не тѣмъ, что люди противоположныхъ мнѣній мирно живутъ въ радяхъ одной и той же партіи, а тѣмъ, что законъ страны даетъ *каждому* право думать все, что онъ хотѣтъ, и говорить все, что онъ думаетъ. Выбросивъ изъ своихъ радовъ Г. Бернштейна мы какого-нибудь другого ревизиониста, договорившагося до буржуазныхъ теорій, нѣмецкая социальная демократія отнюдь не посягнула бы на непререкаемое право этого господина критиковать какія ему угодно воззрѣнія. Она только воспользовалась бы своимъ собственнымъ правомъ принимать въ свою среду только людей, признающихъ ея собственныя взгляды. Когда говорятъ, что социалдемократія должна обезпечить своимъ членамъ полную свободу мнѣній, то забываютъ, что политическая партія совсѣмъ не академія наукъ. „Философствовать значитъ не дѣйствовать; дѣйствовать, значитъ не философствовать.“ (Thun ist nicht philosophiren, philosophiren ist nicht thun), справедливо замѣчаетъ гдѣ-то Фихте. Пока я философствую, я не дѣйствую, а пока я не дѣйствую, люди дѣла не имѣютъ никакого права спрашивать у меня отчета въ томъ результатѣ, къ которому привела меня работа моей философской мысли. Но когда я начинаю дѣйствовать, я перестаю философствовать, и тогда тѣ люди дѣла, съ которыми мнѣ хотѣлось бы сойтись, не только имѣютъ полное право, но обязаны спросить меня, къ какому именно выводу я пришелъ, и не противорѣчить ли мой выводъ ихъ практическимъ задачамъ. *Свобода мнѣній въ партіи можетъ и должна быть ограничена именно потому, что партія есть социальная организация, а не философская школа; какъ только социализмъ перестаетъ признавать социальность, онъ перестаетъ быть социальнымъ.* По-настоящему партія, во имя свободы мнѣній, должна сдѣлать, что не признавать ее за организацию, значащую существовать-ся собою и бороться и бороться только въ истинѣ.

Само собою разумеется, что единомыслие обязательно только въ существующихъ для партіи вопросахъ. Но ни въ теории всемирной социалдемократіи, ни въ ея практикѣ не было, нѣтъ и не можетъ быть вопросовъ, нѣмкихъ для насъ болѣе существеннаго значенія, чѣмъ тѣ, о которыхъ такъ горячо спорятъ ортодоксы съ ревизионистами. *Отъ насъ разнескъ въ ту или другую сторону занесены все ея будущности.*

До какихъ неслыханныхъ нѣтъностей доходитъ ревизионизмъ, желающіе наградить социалдемократію благами неограниченной „свободы мнѣній“, показываетъ слѣдующій курьезный примѣръ, который показался бы намъ совершенно невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ совершенно достовернымъ. Когда въ нѣмецкой социалдемократической печати разгорѣлся знаменитый острый споръ о „вице-предсѣдательствѣ“, товарищъ (имъ имъ!) Пеусъ неожиданно высказалъ ту мысль, что, добиваясь для одного изъ своихъ членовъ вице-предсѣдательскаго ѣбства, социалдемократическая фракція въ рейхстагѣ не должна смущаться тѣмъ непреклоннымъ условіемъ, на которомъ ей только и могло бы достаться это ѣбство: обычнымъ визитомъ во дворецъ для выраженія вѣрно-подданныхскихъ чувствъ императору. Въ подтвержденіе этой, крайне странной въ устахъ социалдемократа, мысли товарищъ (?) Пеусъ вынулъ изъ кармана то, что, хотя, конечно, Вильгельмъ II всегда и грубо нападаетъ на социалдемократовъ, но, съ другой стороны, и за императоромъ должна быть признана свобода мнѣній. Это по истинѣ безобразіе! Гитнесъ въ три погосбли и почтительно шаркаетъ передъ тѣмъ, кто поноситъ вѣтъ живой и грубой бранью. Если вы откажетесь поступать такъ, то товарищъ (нечего сказать, очень умный товарищъ!) Пеусъ обвинитъ васъ въ посягательствѣ на свободу чужого мнѣнія. О, свободоболь! Дальше этого такъ уже некуда, потому что, къ сожалѣнію или къ счастью, — область абсурда тоже имѣетъ свои предѣлы.

Нѣкоторые горько сожалѣютъ еще о томъ, что старый споръ о тактикѣ возгорѣлся въ германской партіи такъ скоро по окончаніи іюньскихъ выборовъ: изъ было будто бы испорчено грандіозное впечатлѣніе блестящей побѣды, одержанной социалдемократіей. Но, во-первыхъ, на этотъ разъ, — какъ и всегда, — споръ началъ быть не ортодоксами, а ревизионистами, которые, вѣтъ въ неумолимо-бестактный Г. Бернштейна, стали совѣтовать социалдемократіи поступать, — по выраженію сатиры, — *прислѣзительно къ подлости*, а, во-вторыхъ, побѣда надъ *нѣмкими* врагами отнюдь не должна была мнѣять ортодоксамъ стремленія къ побѣдѣ надъ врагомъ *нѣмкимъ*, угрожающимъ самому ея существованію, какъ революціонной партіи сознательнаго пролетаріата. Если бы за безпримѣрную іюньскую побѣду надо было заплатить постоянную іюньскую миръ съ ревизионизмомъ, то эта побѣда стоила бы партіи слишкомъ дорого. Но послѣ іюньской побѣды миръ съ ревизионизмомъ сталъ возможенъ менѣе, чѣмъ когда бы то ни было. „Ортодоксы“ нравственно должны были преостеречь побѣдоносный пролетаріатъ отъ той тактики, которая завела бы его въ бездѣльное опустошеніе, а съавла бы безполезности *всѣхъ его великіе успѣхи*, безплодную *всѣхъ его несомнѣнную энергию*. Энергичный отпоръ ревизионизмъ былъ для „ортодоксовъ“ политической обязанностью и психологической необходимостью. И вотъ почему сравнительно ничтожные поводы, — участіе нѣкоторыхъ ревизионистовъ въ буржуазныхъ органахъ, клевещавшихъ на социалдемократію, и слѣпныя разглагольствованія ревизионистаго Санчо Пансы о томъ, что социалдемократія могла бы съ большою пользою для себя и безъ всякаго ущерба для своего нравственнаго достоинства прогнать въ вѣрно-подданные книжки передъ императоромъ, — вызвали противъ ревизионистовъ такую бурю негодованія, какая еще ни разу не разражалась въ средѣ нашихъ сдержанныхъ нѣмецкихъ товарищей. Вынесенный краснымъ съездомъ смертный приговоръ ревизионизму надлежащимъ образомъ увѣнчалъ іюньскую побѣду германскаго пролетаріата. Безъ него она была бы не полна.

Мы горячо рукоплещемъ красному съезду: но мы не хотимъ обманывать себя слишкомъ розовыми надеждами. Ревизионизму нанесенъ смертный приговоръ. Это очень хорошо. Но приговоръ этотъ имѣетъ, собственно говоря, пока только нравственное значеніе. Ревизионисты попрежнему занимаютъ сильныя позиціи въ партійной организаціи, и это очень плохо, потому что они навѣрно воспользуются этими позиціями для новыхъ поощреній въ пользу своей тактики. По правдѣ сказать, мы думаемъ, что дрезденскій съѣздъ былъ въ состояніи сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ, для ослабленія практическаго влияния ревизионистовъ.

Надо замѣтить, притомъ, что вопросъ о *позицияхъ*, занимаемыхъ ревизионистами въ германской партіи, очень сложный вопросъ. Его нельзя разрѣшить однимъ постановленіемъ съѣзда. Дѣло въ томъ, что рабочий классъ не можетъ обойтись безъ услугъ такъ называемыхъ въ Германіи *политиковъ*, — по нашему *интеллигентамъ*. Но нѣмецкая интеллигенція сильно пропитана *буржуазными духомъ*. Даже тѣ „академики“, которые развѣиваютъ съ господствующими классами и переходятъ на сторону *пролетаріата*, по болѣе части приносятъ съ собою не малый запасъ *буржуазныхъ предубѣжденій*. Поэтому, буржуазная „критика“ революціоннаго социализма обыкновенно производитъ на нихъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Академики, переходящіе въ ряды пролетаріата, можно сказать, отъ рожденія склонны „*крикливо* Маркса“. А такъ какъ ихъ образованіе даетъ имъ возможность занимать въ партіи вліятельное положеніе агитаторовъ, публицистовъ, редакторовъ и т. п., то и въ ходятъ, что утерѣ-офицерскія и офицерскія мѣста въ рабочей арміи очень часто принадлежатъ именно *ревизионистамъ*. Это прекрасно выяснилось на дрезденскомъ съѣздѣ. Но тамъ же выяснилось и то отрадное для всякаго революціонера обстоятельство, что между тѣмъ какъ офицеры и утерѣ-офицеры великой арміи труда сочувствуютъ ревизионизму, ея рядовые, — организованные рабочие въ собственномъ смыслѣ этого слова, — въ своемъ огромнѣйшемъ большин-

*) Статья эта была набрана, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что второй вѣдательный оргутъ Бердана требуетъ исключенія изъ партіи гг. Бернштейна, Брауна и Геро. Въ добрый часъ!

ствь стоить за революционную тактику и резко осуждают ревизионизм со всеми его буржуазными симпатиями и со всей его будничной практичностью. Только по этому ревизионизм до сих пор и не принес германской партии того страшного вреда, который он мог бы принести при других условиях: оппортунистический стремление, академизм, развалился о революционные настроения рабочей массы. Но такое положение дало во всяком случае не нормально, а очень опасно. В XVI веке, во время великой крестьянской войны, немцы не могли не видеть, что крестьяне по необходимости должны были услужить перфекционизму из среды мелкого дворянства, которому это дало, наоборот, очень хорошо известно. Отрадами оставшихся крестьян сломали за рядов, предводители, ставшие забутованными дворяне. Но дворянское недовольство было гораздо менее глубоко, чем крестьянское. Поэтому дворяне далеко не были такими последовательными революционерами, как крестьяне. У каждого из них жило, как у Фауста, по два души в груди. Их можно назвать ревизионистами той эпохи. Связанные тысячами духовных нитей с тем самым классом, против которого восставали предводители или крестьяне, они легко примирался с ним и нередко снова переходили на его сторону, оставляя на произвол судьбы свои крестьянские отряды. Энгельс говорит, что этим объясняются многие неудачи крестьян. В последние годы мы немало и часто вспоминали это замечание Энгельса, видя, как охотно вступают западно-европейские академики, перешедшие под знамя социализма, всякие попытки пересмотреть учение Маркса, т.е. на самом деле, ослабить значение и влияние теории, которая является наилучшей в настоящее время идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата. Мы помнили, что причина этого печального явления лежит в буржуазном происхождении «академиков», и мы часто спрашивали себя: как же сравнится западно-европейская социалдемократия с затрунненными, заключенными в необходимость предоставлять жалостное положение из партийной организации людям, по своему происхождению и воспитанию склонным скорее бороться революционными стремлениями пролетариата, чем поддерживать их? Очевидно, что выйти из этого затруднения необходимо, но не менее очевидно, что выход из него найти не легко. Оно еще не очевидно, раз напомнить о себе и немецкой и всей вообще западной социалдемократии. Говорим: *затруннен*, так как в России положение дало теперь другое, и ее интеллигенция настроена гораздо более революционно, чем западно-европейская. Но что и она не чужда, и социализму, сродства с ревизионизмом, это известно всем не безобидным на счет литературы».

Дреарский съезд обратил большое внимание на это затруднение. В этом состоит одна из многих его заслуг. Ортодоксы, выступавшие на нем против ревизионизма, настойчиво повторяли, что жалостные иста в организации могут быть предоставляемы только тем, «академикам», которые усердной службой в качестве рядовых, показали, что ухватить твердо держаться точки зрения революционной пролетариата. Мы считаем эту мбу безусловно необходимой, но боимся, что она будет недостаточна. Если все становится на сторону рабочего класса, «академики» будут находиться под влиянием буржуазных теорий, то партии поневоле придется быть синхронизацией в своем выборе, т.е. открывать дверь помытам ревизионизма. Чтобы уберечь от этой опасности, обусловленную неблагоприятными для пролетариата общественными отношениями, нужно *аттаковать* органы на его собственной территории. Против теоретиков буржуазии, критикующих Маркса, должны выступить

фаланги теоретиков пролетариата, критикующих новшества буржуазной доктрины. А для того, чтобы у пролетариата явились такие теоретики, международной социалдемократии следует прежде всего отделиться от той ложной дилеммы, которая выражается в преобладании отношения к теории и которая в последние годы расползлась в ее среде буквально, как алая зараза. Только освобождение этой ложной дилеммы и объясняется то непонимание на первый взгляд обстоятельство, что ревизионизм так долго мог безнаказанно затеивать своей мелкобуржуазной проповедью классовое самосознание рабочих. Пора уже нам понять, что равнодушными отношениями к своей собственной теории мы только облегчаем распространение в нашей среде буржуазных учений. Визуальная дилемма очень полезна ревизионизму: им теория не по двору. Но что ревизионизму здорово, то ортодоксу — смерть.

С величайшим интересом прочитали мы то место речи товарища Аура, где он, касаясь международного парижского съезда 1900 г., говорит, что в то время товарищ Каутский не так отрицательно относился к Миллярну, как теперь. Это совершенно справедливо, что бы там ни возражали на это названный товарищ. Если бы в немецкой делегации, явившейся на последний международный парижский съезд, преобладало то рубное отношение к ревизионизму, которое так рубительно восторжествовало в Дрездене, то знаменитая *миллярновская* товарища Каутского не увидела бы света даже в виде проекта, и тогда правотворная часть российской делегации была бы изобавлена от печальной необходимости разойтись в голосование со своими немецкими единомышленниками.

Закрывая съезд, товарищ Зиновьев в своей, по обыкновенно энергичной речи, сказал, что его партия отделилась, как и была, революционной партией рабочего класса. Остаток пошел дальше и сказал, что эта партия отличается теперь гораздо более революционными настроениями, чем несколько лет тому назад, когда начиналась ревизионистская кампания, и мыслящая дельта съезда из неясной партии буржуазной социальной реформы. Красный съезд показавший это с поразительной ясностью, и за то мы от души признаем красному съезду. Да здравствует германская социалдемократия!

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Лозунг «сильной руки» и «жесткой рукой», с которым вступило в жизнь министерство Плеве, с самого начала определял будущий курс его. Чем выше поднимала голову, глупая революция, тем ожесточеннее отбивалось «боевое» министерство. Страх за шкуру самодержавия заставлял, наконец, переодеть вбур в чудовищную силу финансового габита: Витте — политический противник Плеве — пал. Нам неизвестна закулисная история этого падения, но довольно ясно кажется из этого, что этот съезд «Московский Искатель». Расписывал же покаяние отечественному гению. Мокрый Витте, отчаявшись, что политика Витте — политика искусственного настроения капитализма — вредно отозвалась на российском сельском хозяйстве и, главным образом, на двух заинтересованных в нем сословиях — дворянстве и крестьянстве, *ломался оторвать* нора. С падением Витте перестанет угрожать «порядку» опасность со этой стороны.

Что же касается опасности, грозящей со стороны элементов, не принадлежащих к «порядку», то против них не принимается широкая мбра. Правительственная тактика из этого отношения становится все яснее и определеннее. Отдавая козырь от агитов — революционную интеллигенцию из рабочих и крестьянства, а потому обезоруживая каждый из

козь, получающих содержание от казны, будет во всем проводить правительственные тенденции. Вот мотивы, которыми руководились демократически настроенные элементы в своей агитации против закона 12 июня. Духовенство обвиняет закон, желая, чтобы правительство уничтожило автономную армию, церковь и получить ее влияние православия и ввести свою особую агитацию. Националисты в своих прокламациях призывают бороться во имя поправных национальных прав, во имя нанесенной всей нации обиды. Все сходится на одном, что надо во чтобы то стало бороться против хищнической царя, против существующего политического режима.

Вставая за независимую церковь, по поводу этого распоряжения армянскими центрами стали происходить многочисленные собрания, призывавшие почти одну и ту же резолюцию: послать делегатов или от править петицию к царю, чтобы с настоячивой просьбой на в каком случае добровольно не уступать, причем давалось обещание поддержать всякий протест с его стороны, даже если дло дойдет до вооруженного столкновения. Так, например, в Каспе на митинг в несколько тысяч человек, состоявшееся в армянской церкви, была подписана петиция в указном смысле. Такая петиция шла даже из далеких деревень. Отодвину съездились в Очмаканди депутаты. Духовенство под давлением общественного мнения ринуло протестовать, и вот католики расказали кондак (бузду) во всем епархиальном с распоряжением не передавать никуда ни одного священным чиновникам, пока от него не будет специального разрешения. Одновременно с этим они послали несколько телеграмм царю. По поводу этого распоряжения католики царя не замедлили, конечно, выразить свое недовольство: устали Плеве он заявил в письме к католикам, что если армянское высшее духовенство будет продолжать сопротивляться высшей государственной власти, то на очередь будет поставлен вопрос о том, насколько дарованный русским монархом строй армянской церкви отвечает обще-государственным интересам (читай: интересам самодержавия). Это секретное письмо, изданное в Союзе. Комитетом, со сдвигнутыми комитетами, вызвало среди общества страшное негодование и начало устрашающее, как востро предпологал Плеве, а наоборот возбуждающее значение. Вообще правительство своими нетактичными выходами ведет очень хорошую агитацию против себя и превращает забытых обывателей в довольно радикальных политиков.

В виду явного боевого настроения, которое господствовало среди населения, правительство отложило исполнение казенного закона до первых чисел сентября. За это время с обеих сторон шли приготовления к стычкам: администрация усиливала местные гарнизоны, направляла дельный ряд шпионов в Эриванскую губернию, Карскую область, возбуждала татар против армян, словом, мобилировала свою армию для войны с «буржуазно-демократией». С другой стороны готовились к борьбе и оппозиционные элементы, организованные комитеты, комитеты, армия, Комитетом Самообороны и т.д., которые не имея определенной программы, стремились так или иначе стать во главе движения. Организованная социалдемократия со своей

стороны слеза особыми мбрами — кого угрозы, кого лаской, вот план тактика Плеве.

Ширшая масса бесконтактного крестьянства — одна из опор порядка, по мнению «Мок. Вд.» — поддевает самую радикальную волюнтаризму. Чтобы обеспечить ее верность самодержавию и православию, правительство начинает с молотого покаяния. На всеобщий праздник отчет о годовом управлении восточных и достояние образования в царств. Первом Вост., «он» воспоминаниям охр., училищу несут в народ, а дворян начала религиозности и любви к отечеству. Ты же «дворянская масса» должны принять христианству, «Дружеский рече» кн. Мещерякова, обильно рассматривая во все восточные правления, да разных культовых комедий, врод откровениям

мошей Сергия Саросского. Добровольные агенты самодержавия и православия — генералы Богдановичи, изданные восточные, дубовато-патристический брошюры, а затем на гасло по всей России, где его вступают и привитывают братства хоругвенные-ремесленники («Русский Вд.» № 239, устраивает чтения и соборования, «Ген. Богданович», пишет «Мок. Вд.» «вчера устроил здесь (в Грамше, Сар. губ.) в народной аудитории, обилие показало, и в церковной школе в поселке, соборования с жеманно-полюбовными рабочими и крестьянами, комитет собрания, около полутора тысяч человек, но, к прискорбию правительства, в России является уже воплотить определенный слой рабочего населения, к которому не поддевает с саровскими мошами и ген. Богдановичем. Этим рабочим правительство старается добить экономическими уступками, отбрасывая так, таким образом, от политического движения. Зуботаска политика разврата, повидному, потеряла крушение: сам Зубатов, по сейвину, «Освобождения», уходит, на покой, но вето Павлов, с его познаниями, не оставляет самостоятельную работу, занимается добродетельными помыслами. П. д. петербургского градоначальника Фриш, «закрывает утомленную лия» ремесленных учеников, строго приказав, чтобы десятисаговая рабочей день в ремесленных заведениях. Он же предложил городскому управлению заняться улучшением дела служащих на городских конно-железнодорожных дорогах («Рус. Вд.» № 237), а также пикетов в городских больницах («Рус. Вд.» № 238). Другим же, вступив в уступчивость, усталости, вынужден выгнать из неосвободившейся порту, по взаимному согласию между импортерами и рабочими («СПБ. Вд.» № 233). Но, когда таможенное общество взаимопомощи приказчиков возбуждало ходатайство о нормировании рабочего дня приказчиков, губернатор от казался «дать долг» длу, ибо вопрос, по его мнению, имеет «общегосударственное значение» («Рус. Вд.» № 243). Инициатива таких «упросов» составляет монополию правительства — его должны балластны рабочие за благодарности. И таких примеров множество.

Но уже в приказе Тренина проглядывает другой лия. Ну, «... Все те же рабочие», прибавляет приказ, «которые не пожелают стать на работу по объявленным здесь ценам, будут записываться полицейскими чиновниками и за тем же делаться на морю». И теми, своими, которые лиям. Ну, обещая не всем недовольным и непокорным, ко вбывающим протестов и в борьбе, «Стрелки» дла, демонстрирующую толпу, ставшая, повидному, неотъемлемою частью всех манифестаций, истинные по тюрьмам и участкам, наконец, драконовские наказания, как в дла саратовских и нижегородских демонстраций и, особенно, в приговоре дла к демонстрации 2 марта в Ростове — вот мры борьбы с революцией.

Но, стараясь привлечь на свою сторону «народ» и жестоко наказывая непокорных, правительство не оставляет без внимания и те слои, которые могут сочувствовать борьбе с современными порядками. На первом вб-ств стоит, конечно, земство. «Министру внут. дел» предоставлено право», пишет «Слово» № 200, «предоставить в

сторону веда устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать народное недовольство и направлять его по революционной русу против правительства, и во всех ступенях с самодержавием стоять в первых рядах. В то время, как мры национально-патристический предания обещали в траур и во время манифестаций поливать черной флага, в то время, как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывая на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черными траурными знаменем, выступать, а под красными «революционными» флагами, было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного. Но до этого было еще весьма харахтерный акт массового протеста, который и забыл отбегнуть дла: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, побд бегослужения, окружив епископский дворец епископа, направила из города в Вагарапат (село около Эмчандина, резиденция католиков). По дорог к шествию присоединялись новые толпы из деревень. Народ шел занять католиков, чтобы было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного. Но до этого было еще весьма харахтерный акт массового протеста, который и забыл отбегнуть дла: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, побд бегослужения, окружив епископский дворец епископа, направила из города в Вагарапат (село около Эмчандина, резиденция католиков). По дорог к шествию присоединялись новые толпы из деревень. Народ шел занять католиков, чтобы было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного.

В этот день, 30 августа, громадная толпа, собравшаяся на набат вокруг дома епископства епархиального правления, потребовала, чтобы от протестовали и ни в каком случае не передавал никуда. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Пробытые войска сильно возбудили собравшихся, раздался выстрел, и в первом патиске казак был отброшен каменным «Слово» № 200, «предоставить в

сторону веда устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать народное недовольство и направлять его по революционной русу против правительства, и во всех ступенях с самодержавием стоять в первых рядах. В то время, как мры национально-патристический предания обещали в траур и во время манифестаций поливать черной флага, в то время, как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывая на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черными траурными знаменем, выступать, а под красными «революционными» флагами, было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного. Но до этого было еще весьма харахтерный акт массового протеста, который и забыл отбегнуть дла: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, побд бегослужения, окружив епископский дворец епископа, направила из города в Вагарапат (село около Эмчандина, резиденция католиков). По дорог к шествию присоединялись новые толпы из деревень. Народ шел занять католиков, чтобы было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного.

В этот день, 30 августа, громадная толпа, собравшаяся на набат вокруг дома епископства епархиального правления, потребовала, чтобы от протестовали и ни в каком случае не передавал никуда. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Пробытые войска сильно возбудили собравшихся, раздался выстрел, и в первом патиске казак был отброшен каменным «Слово» № 200, «предоставить в

сторону веда устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать народное недовольство и направлять его по революционной русу против правительства, и во всех ступенях с самодержавием стоять в первых рядах. В то время, как мры национально-патристический предания обещали в траур и во время манифестаций поливать черной флага, в то время, как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывая на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черными траурными знаменем, выступать, а под красными «революционными» флагами, было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного. Но до этого было еще весьма харахтерный акт массового протеста, который и забыл отбегнуть дла: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, побд бегослужения, окружив епископский дворец епископа, направила из города в Вагарапат (село около Эмчандина, резиденция католиков). По дорог к шествию присоединялись новые толпы из деревень. Народ шел занять католиков, чтобы было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного.

В этот день, 30 августа, громадная толпа, собравшаяся на набат вокруг дома епископства епархиального правления, потребовала, чтобы от протестовали и ни в каком случае не передавал никуда. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Пробытые войска сильно возбудили собравшихся, раздался выстрел, и в первом патиске казак был отброшен каменным «Слово» № 200, «предоставить в

сторону веда устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать народное недовольство и направлять его по революционной русу против правительства, и во всех ступенях с самодержавием стоять в первых рядах. В то время, как мры национально-патристический предания обещали в траур и во время манифестаций поливать черной флага, в то время, как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывая на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черными траурными знаменем, выступать, а под красными «революционными» флагами, было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного. Но до этого было еще весьма харахтерный акт массового протеста, который и забыл отбегнуть дла: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, побд бегослужения, окружив епископский дворец епископа, направила из города в Вагарапат (село около Эмчандина, резиденция католиков). По дорог к шествию присоединялись новые толпы из деревень. Народ шел занять католиков, чтобы было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного.

В этот день, 30 августа, громадная толпа, собравшаяся на набат вокруг дома епископства епархиального правления, потребовала, чтобы от протестовали и ни в каком случае не передавал никуда. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Пробытые войска сильно возбудили собравшихся, раздался выстрел, и в первом патиске казак был отброшен каменным «Слово» № 200, «предоставить в

сторону веда устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать народное недовольство и направлять его по революционной русу против правительства, и во всех ступенях с самодержавием стоять в первых рядах. В то время, как мры национально-патристический предания обещали в траур и во время манифестаций поливать черной флага, в то время, как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывая на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черными траурными знаменем, выступать, а под красными «революционными» флагами, было пожелание дла, чтобы не упустить ни одного.

Новый разбой.

Небывалый до сих пор явления происходит у нас: из самых глухих местечек приходят вести о вооруженных столкновениях с правительством, о массовых демонстрациях, митингах и т.д. Каждый день почти появляются временные организации, ставящие себе целью оказать правительству сопротивление в той или иной форме. Далеко неосвоенный читатель знает, что события лишь по правительственным сообщениям, должен признать, что Казакава охвачено революционной бурей.

Близжайшей причиной, вызвавшей такую единодушную массовую протест даже в самых глухих, неатропанных до сих пор, никакой кармолы утолщ, послужило издание царского повеления от 12 июня этого года о передаче армянских церковных имущества в ведение правительства. Но было бы ошибочно предполагать, что один только этот закон способен был вызвать такую бурю. Систематический преследование армянских культурных учреждений, пресловутая «обрусительная политика», закрытие 300 с лишним армянских школ, стеснение деятельности благотворительных учреждений, закрытие надельского товарищества и целый ряд других подобных мфротворий, мало-по-малу создавали рубый антагонизм между армянским населением и правительством, который рано или поздно должен был прорваться. Но послания мры, так же как и предыдущие, могли бы остаться без открытого революционного протеста, если бы не героическая борьба рабочих масс в казавских промышленных центрах, указавшая всему краю, что против самодержавия должно и можно бороться. Целый ряд удачных демонстраций, широкая массовая агитация, наконец, знаменитая всеобщая стачка этого дла сильно революционизировали весь свой населения. Вот почему армянское население, безоротно сносившее целый ряд насильств, затрещанов и рубных обид, — теперь же с пылкой энергией восстало против несправедливого разбойника, и стало защищать свои права с оружием в руках. Уже около шести дла (с 1898 года) правительство лезло этот закон, но из опасения смуты на Кавказе, — как показывала оглашенный секретный документ комитета министров, — откладывало его издание. Теперь в виду сильного роста революционного движения, оно захотело терроризировать народ, чтобы в корки вбить всякую «караму», но вышло совершенно наоборот.

Против закона 12 июня возмущено все население, так как этот закон, поощрял доты принадлежавший ему права. До сих пор всем церковными имущества на Кавказе управлял народ посредством своих выборных, громадная часть доходов с них тратилась на культурные нужды, наконец, до закона духовенство было в полной материальной зависимости от народа. — Теперь же с передачей церковных имущества в ведение чиновников, права народа на национальное имущество и влияние его на духовенство сводится к нулю. Теперь духовенство, превратившись в правительственных чиновников

ЕД.

Однимъ изъ результатовъ теперешнихъ событийъ на Кавказѣ является ростъ революціоннаго сознанія, ростъ непримиримо-враж-

